

УДК 130.2

ФИЛОСОФСКОЕ ПОНИМАНИЕ ФЕНОМЕНА РЕВОЛЮЦИОННОГО ТЕРРОРИЗМА НАЧАЛА XX ВЕКА

**БЕЛЯЕВ
ДМИТРИЙ
АНАТОЛЬЕВИЧ**

*доктор философских наук,
профессор кафедры философии, политологии и
теологии,
Липецкий государственный педагогический
университет имени П. П. Семёнова-Тян-Шанского,
Институт истории, права и общественных наук,
Липецк, Российская Федерация,
dm.a.belyaev@gmail.com*

**СЕМЕЕВА
СВЕТЛАНА
АЛЕКСАНДРОВНА**

*аспирант кафедры отечественной и всеобщей
истории,
Липецкий государственный педагогический
университет имени П. П. Семёнова-Тян-Шанского,
Институт истории, права и общественных наук,
Липецк, Российская Федерация,
svetlana.semeeva@mail.ru*

Ключевые слова:

Савинков
Фуко
насилие
терроризм
Ницше

Аннотация:

Влияние терроризма на жизнь российского общества начала XX века носило небывалый характер и являлось частью борьбы против реакционной политики власти. В настоящее время терроризм провозглашен международной проблемой, имеющей давнее основание. Однако отношение к личностям боевиков в современности и прошлом отличается. В то же время для решения проблемы искоренения данного явления важна не только правоохранительная деятельность, обеспечивающая задержание и наказание отдельных преступников, но и установление факторов, предопределивших генезис терроризма. Целью статьи стал анализ сущности терроризма, рассматриваемой с позиции социальных потребностей и психологических черт террористов в контексте реалий революционной террористической деятельности в России с 1902 по 1911 годы с использованием положений философии насилия Ф. Ницше и М. Фуко. Используются следующие методы исследования: сравнительный анализ, идиографический, антропологический. Сделан вывод о том, что революционно-террористическое мышление совокупно сформировано неустойчивостью общества, когда рождаются новые траектории развития, связанные с отрицанием прежних устоев, претензиями отдельных личностей на воплощение воли к власти, поддержкой жертв прежней системы, коллективистским чувством, максималистским восприятием.

© 2024 Петрозаводский государственный университет

Получена: 27 января 2024 года

Опубликована: 27 февраля 2024 года

Введение

Развитие Российского государства со второй половины XIX века по настоящее время периодически осложнялось террористической борьбой.

Особенно крупный масштаб приобрело данное явление в начале XX столетия, когда терроризм стал инструментом революционного столкновения с властью партии эсеров и анархистов. В условиях современности общество, относительно сплоченное вокруг власти и признавшее терроризм глобальной угрозой, причисляет террористов к категории «безнравственных» / «зомбированных» / «сумасшедших» (последний ярлык, как правило, используют, если явление недоступно пониманию). Однако в то время в условиях политической нестабильности оценки терактов были далеко не так однозначны: по отношению к террористам употреблялись слова: «мученики», «избавители» [4: 5], [4: 39]. А когда терроризм утратил рычаги партийного управления и распространился в ходе революции 1905–1907 годов в массы, этим воспользовались уголовники, прикрывающие корыстные, однозначно осуждаемые мотивы лозунгами политического сражения за справедливость [11: 336].

Целью статьи стал анализ философского объяснения истоков революционно-террористического мышления и феномена терроризма как следствия теории о том, что сознание определяет бытие применительно к периоду с 1902 по 1911 годы.

Преломление картины мира Ф. Ницше в мироощущении революционных террористов

Носитель любого мировоззрения всегда сталкивается с проблемой философской неопределимости блага и истины. Закономерный вывод о вечном конфликте антагонистов углубил философ Ф. Ницше – и признал естественным право полного освобождения от старой системы христианских ценностей (в том числе от заповеди «не убий»). По свидетельству исследователя конца XIX – начала XX веков Г. Тюрка, «имя Фридриха Ницше все чаще встречается на страницах наших журналов и газет» [9: 1], потому вероятность разделения его взглядов террористами высока. Ф. Ницше утверждал, что в природе человека заложено желание «предпочитать, быть несправедливым, отличным от прочего» [6: 18], а традиционная мораль, призванная сдерживать природный напор, по своей сути фальшива и чужда человеку. Философ проводил аналогию между «зловонием» всемирных книг (подразумевая в том числе Священные книги) и маленьких людей, их создавших и поклоняющихся. Для него неморальный переворот устоев – устремленность к свежему воздуху, показатель глубины развития [6: 65]. Акт нарушения морали рассматривался им как доказательство независимости и смелости, упор во взглядах сделан на наличие у людей слабой или сильной воли – стремления к власти, познанию своей свободы через принуждение других [6: 35]. Г. Тюрк усмотрел в проявлении этой воли любовь к жестокости: «Приятно заставлять других страдать» [9: 12].

Однако философ предостерегал «маленьких людей» в деле искусственного усиления жизненных опасностей при выборе этого пути, причем одна из них – внутренняя, не знающая пощады – голос совести [6: 62]. По Ницше, только закаленные личности могут вынести бремя ответственности за переоценку ценностей [6: 176]. Этим обусловлена рефлексия членов Боевой организации эсеров после совершённых терактов. Так, по воспоминаниям Б. В. Савинкова, убийца министра внутренних дел В. К. Плеве Е. С. Сазонов каялся в письме с каторги: «Сознание греха никогда не покидало меня» [8: 54].

На первый взгляд, ницшеанским «Сверхчеловеком» почувствовал себя герой повести Б. В. Савинкова «Конь бледный» боевик Жорж, который проверял, насколько далеко он мог зайти и кто его остановит, ведь он «сам себе Бог» [7: 322]. Поэтому он не останавливается перед убийством для себя, расправляясь с мужем своей возлюбленной Елены. Но драма повести в том, что Жорж оказался «Сверхчеловеком» наполовину: сумев отречься от прежних скучных ценностей, он оказался не способен сотворить новые. Пустая жизнь в руинах для человека-разрушителя была в конечном итоге им же и оборвана.

Взгляд М. Фуко на насилие

Несколько с иного угла зрения можно рассмотреть мышление террориста, опираясь на концепцию М. Фуко. Если, по Ф. Ницше, насилие – родовая потребность свободного человека, то в рамках философской картины М. Фуко это вариант сбой поведения, отклонения так называемого «монстра» от стержня (закона), на который насажен общественный договор, ради навязывания своих интересов, впрочем, тоже природного происхождения. Мотив поведения – бунт сам по себе. Если концепция Ницше персонализирована, то у Фуко при недовольстве старым порядком «моральный агент не чинит препятствий нарушению общественной нормальности, таким образом, в некотором роде способствуя распространению “зла”, потому как явление монструозности возникает в крайних случаях, в кризис

общественного цикла» [10: 120]. Задача «монстра» – доказать нормальность своих правил игры [10: 79], и для этого он пользуется общественной реакцией. Обозначенную М. Фуко гибридность монстра, вырастающую из медицинской сферы в социальную, демонстрирует переплетение чувств жизни и смерти в облике террориста [10: 86]. Так, террористка Д. В. Бриллиант повторяла: «Я хотела еще раз просить, чтоб мне дали бомбу. Я должна умереть» [8: 55].

По убеждению М. Фуко, «сила монстра, его способность устрашать основана на том, что, преступая закон, он в то же время лишает закон дара речи, вызывает не ответ закона как таковой, а нечто совсем другое: насилие, попытки покончить с ним, или медицинское попечение, или просто жалость» [10: 79]. Дореволюционный юрист, консерватор В. И. Веножинский в подтверждение недейственности закона в эпоху террористического пожара и необходимости применения военно-полевых судов подчеркивал, что «законы пишутся для людей, а не для зверей и сумасшедших, начиненных динамитом... Не может быть лишь помилован тот, кто преступил самое помилование и, убивая человека, убил закон» [3: 26]. О проявлении народного милосердия к террористам свидетельствуют следующие факты: после убийства губернского советника Г. Н. Луженовского, руководившего карательной операцией в отношении бунтовавших тамбовских крестьян, крестьяне села Пески хотели узнать имя стрелявшего, чтобы поминать в церкви [4: 39]. Случалось, солдаты, конвоировавшие пересыльных террористок, снимали с них кандалы [1: 135].

Иные мотивы деятельности революционных террористов

Таким образом, и философия Ницше, и картина мира Фуко объясняют терроризм с позиции выхода индивида за пределы действовавшей морали. Однако в начале XX века дискуссии зарождались по вопросу оправдания террористов даже в рамках общепринятой аксиологической системы, в итоге они сводились к отделению действия от личности террористов. Первое осуждают, жертву вторых уважают, а виновным определяют правительство [2: 5], не выполнившее условия теории общественного договора. В противовес мнению об отрыве революционных террористов от народа сложилось и обоснование близости террористического мышления народному менталитету, для которого свойственно деление мира на своих и чужих: «Обидеть своего есть тяжкий грех. Покарать иного не только за реальный, но и за предполагаемый вред значит исполнить свой долг» [5: 2]. Заметим, для революционных террористов была характерна обособленность: в рядах эсеров члены Боевой организации высокомерно относились к партийным работникам, занятым «мирными» делами.

Г. Тюрк замечал склонность террористов к примитивизму, видению реальности черным или белым, преувеличение кризисности [9: 1]. Так, убийца великого князя Сергея Александровича И. П. Каляев в письме, написанном перед казнью товарищам, говорил о том, что представлял жизнь сказкой, сюжет которой предчувствовал еще в детстве. Как известно, структура сказок проста, сводится к борьбе доведенных до абсолюта добра и зла, где центральный положительный персонаж выступает защитником всех угнетаемых [11: 343].

Заключение

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что революционно-террористическое мышление совокупно сформировано неустойчивостью общества, когда рождаются новые траектории развития, связанные с отрицанием прежних устоев, претензиями отдельных личностей на воплощение воли к власти, их максималистским восприятием. С учетом суждений Тюрка, можно сказать, что террористические группы начала прошлого века в какой-то степени удовлетворяли социальную потребность быть частью коллектива, обрести посредством его силы значимость, что аналогично привязанности крестьян к общине.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Будницкий О. В. Женщины-террористки в России. Бескорыстные убийцы: Воспоминания. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. — 640 с.
2. Бурцев В. Л. Правда ли, что террор делают, но о терроре не говорят? // Из № 2 «Народовольца», [1897]). — [Лондон, 1901]. — 10 с.
3. Веножинский В. Смертная казнь и террор. — Спб.: Отечественная типография, 1908. — 34 с.
4. Гусев К. В. Эсеровская богородица. — М.: Луч, 1992. — 160 с.
5. Захарченко Г.В. Философия террора // КЛИО. — 2008. — № 4(43). — С. 20 - 28.
6. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла: Прелюдии к философии будущего / Пер. с нем. Н.

Полилова. — Спб.: Д.Е. Жуковский, 1905. — 387 с.

7. Ропшин В. (Савинков Б. В.) Конь бледный: Повесть // Савинков Б. В. Избранное / под ред. Г. Ежовой. — Ленинград: Художественная литература, 1990. — С. 307 - 374.

8. Савинков Б. В. Воспоминания террориста // Савинков Б. В. Избранное / под ред. Г. Ежовой. — Ленинград: Художественная литература, 1990. — С. 23 - 306.

9. Тюрк Г. Философия эгоизма. Ницше, Ибсен и Штирнер / Пер. со 2-го немецкого издания с предисловием А.Ч. — Спб.: Типография В.Д. Чичинадзе, 1898. — 16 с.

10. Фуко М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс, прочитанных в 1974-1975 учебном году / Пер. с фр. А. В. Шестакова. — Спб.: Издательство «Наука», 2004. — 432 с.

11. Moissaye J. Olgin. The soul of the Russian revolution. — New York: Henry Holt and company, 1917. — 423 p.

REFERENCES

1. Budnitsky O. V. Women terrorists in Russia. Selfless Killers: Memories. — Rostov-on-Don: Phoenix, 1996. — 640 p. (In Russ.)

2. Burtsev V. L. Is it true that they do terror, but they don't talk about terror? // From No. 2 "Narodovolets", [1897]). — [London, 1901]. — 10 p. (In Russ.)

3. Venozhinsky V. The death penalty and terror. — St. Petersburg: Domestic printing house, 1908. — 34 p. (In Russ.)

4. Gusev K. V. The Mother of God of the Socialist—Revolutionaries. - M.: Luch, 1992. — 160 p. (In Russ.)

5. Zakharchenko G.V. Philosophy of terror // *KLIO*. — 2008. — № 4(43). — Pp. 20-28. (In Russ.)

6. Nietzsche F. Beyond Good and Evil: Preludes to the Philosophy of the Future / Translated from German by N. Polilov. — St. Petersburg: D.E. Zhukovsky, 1905. — 387 p. (In Russ.)

7. Ropshin V. (Savinkov B. V.) Pale horse: A story // Savinkov B. V. Elected / edited by G. Yezhova. — Leningrad: Fiction, 1990. — pp. 307-374. (In Russ.)

8. Savinkov B. V. Memoirs of a terrorist // Savinkov B. V. Favorites / edited by G. Yezhova. — Leningrad: Fiction, 1990. — pp. 23 - 306. (In Russ.)

9. Turk G. Philosophy of egoism. Nietzsche, Ibsen and Stirner / Trans. from the 2nd German edition with a preface by A.Ch. — St. Petersburg: Printing house of V.D. Chichinadze, 1898. — 16 p. (In Russ.)

10. Foucault M. Abnormal: A course of lectures delivered at the College de France, delivered in the 1974-1975 academic year / Translated from French by A. V. Shestakov. — St. Petersburg: Nauka Publishing House, 2004. — 432 p. (In Russ.)

11. Moissaye J. Olgin. The soul of the Russian revolution. — New York: Henry Holt and company, 1917. — 423 p.

PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF THE PHENOMENON OF REVOLUTIONARY TERRORISM IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY

BELYAEV
Dmitry

*PhD in Philosophy,
Professor of the Department of Philosophy, Political
Science and Theology,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher
Education «Lipetsk State Pedagogical University named
after P.P. Semenov-Tyan-Shan», Institute of History, Law
and Social Sciences,
Lipetsk, Russian Federation, dm.a.belyaev@gmail.com*

SEMEEVA
Svetlana

*Postgraduate student, Department of National and World
History,
Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education «Lipetsk
State Pedagogical University named af-ter P.P.
Semenov-Tyan-Shan», Institute of History, Law and Social
Sciences,,
Lipetsk, Russian Federation, svetlana.semeeva@mail.ru*

Keywords:

Boris Savinkov
Michel Foucault
violence
terrorism
Friedrich Nietzsche

Summary:

The impact of terrorism on Russian society in the early 20th century was unparalleled and was a reaction to the oppressive policies of the government. Modern terrorism has been acknowledged as a global issue with deep roots. However, there are varying attitudes towards past and present militants, resulting in one-sided assessments of their actions. In addressing this problem, it is crucial to not only focus on law enforcement measures aimed at apprehending and punishing individual criminals, but also to identify the underlying factors that led to the emergence of terrorism. This article aims to analyze the nature of terrorism through the lens of social needs and psychological characteristics of terrorists within the context of revolutionary terrorist activities in Russia from 1902 to 1911, drawing on the philosophies of violence by Friedrich Nietzsche and Michel Foucault. The research utilized comparative analysis, idiographic methods, and anthropological approaches. The study concludes that revolutionary terrorist ideology arises from societal instability, where new paths of development emerge that reject previous norms, embody individual will to power, advocate for victims of the former system, foster collective solidarity, and exhibit a maximalist worldview.